

'apples and oranges', 'how do you like them apples', 'she's apples'), так и в русском языке ('земляное яблоко', 'Содомское яблоко', 'яблоко раздора', 'яблоку негде упасть').

Во многих традициях дуб был особо священным деревом. Знамениты были священный дуб Зевса в Додоне, дуб Юпитера Капитолина в Риме, дуб Перуна у славян. В Риме дубовые ветви носили в брачных процессиях, видя в них символ плодородия.

Мифологизации подвергаются не только деревья и другие крупные растения, но и травы, мох и другие объекты растительного мира. Мох нередко символизирует скуку, старость ('обрасти мхом').

Растения – это те представители окружающего мира, которые окружали человечество с его зарождения, поэтому возможно проследить отражения мифологической составляющей ключевого компонента фитонима в языковых картинах мира английского и русского языков.

И. Григорьева

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЛИЦА

Актуальность исследования обусловлена в определенной степени внутренним содержанием грамматической категории лица и его взаимодействием с категорией рода. Языковые средства, кодирующие лицо, служат для идентификации говорящего (1 лицо), слушающего (2 лицо) и лица, не принимающего участия в данном речевом акте (3 лицо). Кроме того, показатели лица могут передавать информацию о роде референта, числе объектов, включаемых в референт, социальном статусе референта, социальных отношениях между референтами.

Категория рода – характерная черта грамматического строя индоевропейских, семитских, дравидийских и северокавказских языков. Однако по мере усиления аналитизма в языке функция различения рода переходит от флексии к артиклю, и при утрате родовых противопоставлений в именах род переходит в скрытую категорию, как это произошло, например, в английском языке. Показатели лица могут кодировать информацию о роде или согласовательном классе. Это явление часто наблюдается среди показателей третьего лица (ср. русск. *он, она, оно*), реже оно засвидетельствовано у показателей других лиц, ср. формы мужского и женского рода 2-го лица *atah* и *at* в иврите, а также парадигму личных местоимений языка нама (Намибия), в котором мужской и женский род различаются во всех лицах и числах, кроме 1 л. ед. ч.

В русском языке, как и в большинстве языков, 1 и 2 лицо не предполагают дифференциации по роду, а для 3 лица оказывается необходимой грамматическая визуализация категории рода, поскольку для идентификации отсутствующего в момент коммуникации лица оказывается существенной и его гендерная характеристика.

Кроме того, различают *гендерно-нейтральные* и *гендерно-неориентированные* языки. Так, отмечается проявление гендерной нейтральности и в языках,

имеющих грамматическую категорию рода: например, в иврите высокая степень проявления гендерной специфики грамматической категории лица: каждое существительное, как и многие глаголы и местоимения 2 и 3 лица, является либо грамматически мужским, либо женским. В результате кампаний, проводимых сторонниками равенства в сфере профессиональной занятости или формирования гендерно-нейтрального языка, в Израиле были приняты законы, требующие, чтобы объявления о вакансиях были написаны в форме, которая прямо провозглашает, что работа предлагается как для мужчин, так и для женщин. Часто используется разделитель «/». Например, *d(a)rush/a* דרוש/ה, *mazkir/a* מזכיר/ה («требуемый» masculine и feminine, и «секретарь» masculine и feminine, соответственно.). Кроме того, некоторые формы женского рода множественного числа 2-го и 3-го лица более раннего иврита стали архаичными в современном израильском иврите, в силу чего старые формы мужского множественного числа теперь используются как для мужского, так и для женского рода.

Таким образом, структурно-семантические характеристики различных форм лица и грамматического рода обусловлены рядом экстралингвистических факторов, в том числе, как исторически сложившихся гендерных стереотипов, так и отражающих современные тенденции политкорректности в языке.

Э. Гусейнова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Эмотивность – это имманентное свойство языка выражать психологические состояния и переживания человека. На наш взгляд, инструментарий средств и способов выражения эмотивности в разных языках обусловлен рядом факторов как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

В рамках доклада представлен анализ синтаксических средств выражения эмотивности на материале романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Среди синтаксических средств выражения эмоциональной оценки можно выделить следующие: 1) риторический вопрос («*Хоть в газетах печатайте. Какое мне дело?.. Что, я разве друг его какой?.. или родственник? Правда, мы жили долго под одной кровлей... А мало ли с кем я не жил?..*»), 2) риторическое восклицание («*Хороша совесть!*»), 3) риторическое обращение («*Сами посудите, что ж я мог отвечать против этого?..*»), 4) синтаксический параллелизм («*Избавлю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там не были, и от статистических замечаний, которые решительно никто читать не станет*»), 5) эллипсис («*Смотрите не попадитесь... ведь на шести шагах!*»), 6) инверсию («*Отважен был пло-*